

Беседа доктора философских наук Михаила Черникова с известным российским экономистом, публицистом и общественным деятелем Михаилом Хазиным о финансовом капитале в современной миро-системе, о неизбежности смены мировых элит, среднем классе и «новых бедных»

Михаил Черников: Социально-экономические и культурологические характеристики современного мира, четко обозначившиеся уже в конце XX века, довольно разнообразны по терминологическим клише. Тут и «рейганомика», породившая засилье «виртуально-спекулятивной финансовой системы», и «неолиберальная революция», часто еще определяемая как «восстание элит», и «постмодернизм» в качестве доминирующей культурной ориентации... Но за всеми этими маркерами современности скрывается нечто основополагающее. Таким «основополагающим» следует признать процесс возвышения финансового капитала, который достиг господства в современной миро-системе.

Михаил Леонидович, давайте попробуем проследить основные вехи и логику процесса возвышения финансового капитала в XX веке. Я думаю, что взгляд на историю современности под таким углом способен сделать более «прозрачными» ее важнейшие аспекты.

Михаил Хазин: Посыл понятен. Но надо сразу сказать, что процесс возвышения финансового капитала берет свое начало не в XX, а как минимум в XIX веке. В XX веке развитие военных технологий привело к тому, что армия стала слишком дорогим удовольствием, и оказалось, что без создания финансовой системы, способной предоставить в случае необходимости военные займы, вести продолжительные войны невозможно. В результате в крупнейших государствах мира (Великобритания, США, Германия) были созданы национальные банковские системы, быстро объединившиеся во всемирную банковскую сеть, управляемую мировой финансовой олигархией. К началу 20 века эта финансовая элита заметно потеснила традиционные национальные элиты: «банкиры» (прежде всего, управля-

ющий Банка Англии Монтегю Норман и американская группировка Морган и К^о) через сеть своих дочерних предприятий контролировали практически всю мировую экономику. Пиком их политического успеха стало создание Федеральной резервной системы США в 1913 году, а вершиной экономического могущества — международная торговля 20-х годов прошлого века, полностью контролировавшаяся узким кругом банкиров.

М.Ч. Однако уже в 1929 году началась Великая депрессия.

М.Х. Управление столь сложной системой как мировая экономика при наличии еще достаточно примитивных инструментов и в интересах узкой группы олигархов привело к закономерному итогу: разразился очередной глобальный экономический кризис, Великая депрессия.

М.Ч. В каком смысле — «примитивных»?

М.Х. Банкиры первого поколения контролировали захват бизнесов по схеме «кредит под залог предприятия, не можешь вернуть деньги — отдавай бизнес», а также были фанатичными сторонниками «золотого стандарта». В результате они оказались органически неспособны «залить кризис деньгами» и в один прекрасный день остались с кучей ничего не стоящих предприятий перед лицом требовавших живых денег вкладчиков.

М.Ч. Последствия, как мы понимаем, были весьма серьезными.

М.Х. Да, более чем. Кризис привел к политической революции — национальные элиты, опасаясь катастрофы, сопоставимой с октябрём 1917 года, взбунтовались против «банкиров», и началась повсеместная передача власти «кризисным управляющим». Идеология «свободного рынка» сменилась идеологией «регулирования», в экономике восторжествовал госкапитализм, а к власти в большинстве стран пришли авторитарные режимы (Муссолини в Италии, Сталин в СССР, Рузвельт в США, Гитлер в Германии). В Европе практически не осталось государств с реальными республиканскими формами правления. Контроль над государственной машиной получили новые группировки, во многом опиравшиеся на старые, «дофинансовые» элиты, не приносившие вассальную клятву прежним хозяевам-банкирам.

М.Ч. Однако, судя по дальнейшей истории, финансовый капитал отнюдь не смирился со своим поражением.

М.Х. Поражения, по сути дела, и не было. Был локальный проигрыш. Но банкиры сумели не допустить реванша старых элит, организовав Вторую мировую войну. После шести лет массовой бойни в живых из пяти вступивших в войну сверхдержав остались только две — СССР и США (Германия и Япония оказались проигравшими, Англия, хотя и номинально была в стане победителей, утратила свое бывшее могущество и оказалась в подчинении США). В результате сложились две новые системы международного разделения труда — советская и американская. Формы власти в этих системах различались принципиально: в СССР упор был сделан на плановые методы управления и «коллективную монархию» в лице Политбюро ЦК, а в США снова подняла голову финансовая олигархия.

Опираясь на Федеральную резервную систему, принятые на исходе войны, в 1944 году, Бреттон-Вудские правила международных расчетов и на программы послевоенного восстановления (частью которых был знаменитый план Маршалла), финансовая элита США в кратчайшие сроки захватила контроль над западной частью мировой экономики, создав империю доллара. Эмитируемый ФРС доллар заменил в международных расчетах золото, но, в отличие от золота, его запасы в руках правящей группировки казались бесконечными, ведь они сами его и печатали.

М.Ч. Финансовый капитал, таким образом, существенно укрепил свое положение.

М.Х. Да, но до полного мирового господства «банкирам» было еще далеко. С одной стороны, им мешал СССР, не только проводивший ползучую экспансию через «страны социалистической ориентации», но и служивший ярким примером альтернативного устройства власти. С другой стороны, все настойчивей требовали свой «кусочек пирога» сформировавшиеся национальные элиты бывших колоний, прежде всего — Индии и Китая. Вплоть до конца 70-х годов прошлого века борьба между двумя системами шла на равных, и многие западные политики всерьез считали, что у СССР есть все шансы на победу.

М.Ч. Говорят, что на уровне ЦК КПСС в то время специально обсуждался вопрос о форсировании победы в «холодной войне», но наша элита испугалась остаться один на один с глобальными мировыми проблемами, и было принято решение «заморозиться» с американцами. Отсюда появилась политика разрядки, популяризация теории конвергенции двух систем, широкое предоставление российских нефтяных ресурсов Западу в условиях нефтяного эмбарго со стороны арабов, что, в свою очередь, подсадило Россию на «нефтяную иглу» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

М.Х. Это очень похоже на правду. Советский Союз действительно начал осуществлять соглашательскую политику, все более изменяя декларируемой системе ценностей. При этом западная финансовая элита постоянно вела активную борьбу с СССР.

Сначала она укрепила свои тылы, поделившись доходами с собственным населением и создав (в странах «золотого миллиарда») государство «всеобщего благосостояния», основой которого выступал многочисленный средний класс. Наряду с увеличением социальных расходов, трудящимися (работающим по найму, то есть заведомо не входящими во властные группировки людям) были предоставлены определенные политические права: защита со стороны закона и возможность политического самовыражения (демонстраций, митингов, и прочих публичных акций), создающего иллюзию участия в реальной власти.

На первом этапе (1950–1960-е годы) рост среднего класса финансировался за счет повышения налогов на богатых; когда же это привело к сокращению инвестиций (нет смысла зарабатывать больше, если все равно отберут) и экономической стагнации 1970-х, в бой было брошено безотказное оружие финансовой олигархии — денежная эмиссия, обеспеченная контролем над ФРС.

США имитировали расширение рынков с помощью кредитного стимулирования спроса домохозяйств. Это потребовало серьезных изменений и в механизме кредитования (концепцию возврата частного долга заменили на его бесконечное рефинансирование), и в системе обслуживания госдолга (стали снижать учетную ставку, предварительно подняв ее до заоблачных высот); но, тем не менее, очередной этап технологического прогресса был успешно запущен. Отдаленным результатом эмиссионной технологии накачки спроса стал современный (куда более серьезный) «долговой» кризис, но в первые десятилетия найденное решение сработало, и его инерции вполне хватило для победы над геополитическим и идеологическим противником.

Таким образом, уже с 1980-х годов средний класс подпитывался постоянным расширением ипотечного и потребительского кредитования. Тем же способом покупалась лояльность «третьего мира»: сотни миллиардов долларов были выделены в рамках разнообразных программ «помощи» развивающимся странам, проводившихся под лозунгами «развития рынка и демократии». Обороты этих новых финансовых рынков быстро превысили обороты реальной международной торговли, и в составе мировой элиты появилось новое поколение финансистов, сделавших себе состояния в буквальном смысле «из воздуха».

Показательно, что если до Второй мировой войны финансисты получали не бо-

лее 5 процентов совокупного дохода, а через пять лет после принятия Бреттон-Вудских соглашений в 1949 году — 10 процентов, то к середине 2000-х годов эта цифра увеличилась до 70 процентов.

М.Ч. Иными словами, Запад, воспользовавшись соглашательской позицией СССР и найдя внутренние источники своего роста за его счет, пусть и носящие характер допинга, но в краткосрочной перспективе весьма эффективные, сумел мобилизоваться для решительной победы в противостоянии двух систем.

М.Х. Именно так. Стабилизировав социальную ситуацию и несколько оправившись от кризиса 70-х, западная элита перешла к открытой конфронтации. В ход пошли экономические санкции (прежде всего, прекращение кредитования), манипулирование ценами на нефть (основной экспортный продукт СССР) и наращивание гонки вооружений («стратегическая оборонная инициатива» Рейгана). Не сумев справиться с нарастающими трудностями, советская элита (и лично Горбачев) предпочла капитулировать, и в 1991 году Советский Союз прекратил свое существование. Москву тут же заполнили западные экономические советники, принявшиеся увлеченно делить шкуру поверженного медведя; победа мировой финансовой элиты казалась настолько полной, что самой цитируемой публикацией десятилетия стала статья Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории» (1989 г.). Позднее им была написана книга с тем же названием.

М.Ч. Как видим, провозвестие Фукуямы отнюдь не сбывается. Говорить о конце истории даже в смысле окончательной победы капиталистического пути развития явно преждевременно.

М.Х. Естественно. Надо понимать, что действия, предпринятые для решения каких-либо проблем, всегда создают другие проблемы; именно с ними западная элита и столкнулась после разрушения Советского Союза.

Успешно противопоставив Китай Советскому Союзу и превратив его во «всемирную фабрику», финансисты фактически вырастили новую китайскую элиту, прекрасно ориентирующуюся как в хитростях власти внутри собственной страны, так и в нюансах международной политики.

Используя в противовес СССР в Афганистане организованных радикальных исламистов, финансисты создали предпосылки для «исламской революции» во многих странах мира и появления на сцене сразу нескольких шиитских и суннитских элит. Еще одна проблема возникла в собственном тылу западной элиты, и ею оказался столь любовно созданный средний класс.

Дело в том, что деньги на финансирование этого класса кончились. Кредитный пузырь, надуваемый в США с 1980-х годов, оглушительно лопнул в 2008-м, ввергнув экономику страны в глубокую депрессию. Последовавшее за этим стремительное наращивание государственного долга позволило спасти крупные банки и корпорации, но ничем не помогло простым американцам. В результате к 2015 году численность среднего класса в США впервые за всю историю упала ниже 50 процентов. Миллионы человек, еще вчера считавшие себя зажиточными и верившие в «общество всеобщего благосостояния», оказались на обочине жизни.

М.Ч. А что в этом такого страшного для правящей элиты, ведь основной враг был не внутри, а снаружи? СССР оказался повержен.

М.Х. Не стоит упрощать. Возникшие сегодня «новые бедные» совсем не такие, как «старые бедные» начала прошлого века! Когда с целью продемонстрировать преимущество капитализма перед социализмом западные элиты начали строить «общество потребления», им пришлось изменить модель социальной стабильности: вместо традиционных ценностей («бог создал богатых и бедных, и так тому и быть») широко внедрить либеральные («все равны перед Законом»).

Фокус тут в том, что средний класс — это единственная группа населения, ко-

торая заинтересована в государстве и в законе. У бедных нет собственности и денег, им закон не нужен, они его использовать не могут. У богатых, напротив, денег много и свою собственность они могут защищать самостоятельно. А вот у среднего класса собственность есть, но самостоятельно защищать он ее не может, потому что денег не настолько много. Поэтому он нуждается в государстве. Так возникла идея, что надо в качестве источника социальной стабильности взять Закон. И, соответственно, заставить всех соблюдать некие правила.

Разумеется, при этом приходилось разрушать старую систему, отсюда — сексуальная революция, феминизм, гей-парады, однополые браки, ювенальная юстиция и прочие методы разрушения семьи. Когда средний класс стал массовым, все это пришлось делать, иначе новая модель социальной стабильности не прижилась бы.

Но теперь денег на поддержание среднего класса больше нет. Это значит что? Что он будет беднеть, и будет все больше «новых бедных» — людей, которые знают все про закон, про права человека и так далее, но при этом у них нет, как у нормальных бедных, ощущения, что защищать свои права бессмысленно — денег же нет. Их же выучили в рамках либеральных идей, и они знают, что суд должен защищать Закон, а вовсе не служить богатым. И вот это понимание придется ломать, а ломать очень страшно, потому что это и есть разрушение стабильности: «новые бедные» — это десятки процентов населения!

М.Ч. Но, надо полагать, и достигший в современных условиях абсолютного господства финансовый капитал видит эти проблемы и каким-то образом намерен их купировать.

М.Х. Не без этого. «Новые финансисты», которые и по своей численности, и по объему контролируемых финансовых ресурсов превзошли старую элиту, пытаются модернизировать технологию своего господства. Еще в 1990 году Жак Аттали изложил их программу в своей книге «Линии горизонта»: тотальный контроль над всеми жителями, «планетарная политическая власть», «демократия» и «закон денег». Уже с середины 80-х эта программа воплощалась в жизнь международными финансовыми организациями в виде Вашингтонского консенсуса: либерализация внешней и внутренней торговли, сокращение роли государства в регулировании экономики и увеличение его роли в социальных программах (образование, здравоохранение, пособия по безработице). Нетрудно заметить, что та же самая политика проводилась в странах «золотого миллиарда»: государство обеспечивает приемлемый уровень жизни населения, купленные тем самым избиратели голосуют «за» на «демократических выборах», а олигархи «снимают пенки» с финансовых оборотов.

Либеральные ценности («соблюдай Закон и делай что хочешь») в настоящее время глубоко проникли в мировую правящую элиту. К «новым финансистам» относятся как публичные политики, заработавшие популярность пропагандой либеральных взглядов («новые левые», куда входят представители и американской Демократической, и практически всех европейских партий), так и финансисты, сколотившие состояния на ипотечном, потребительском и международном кредитовании.

Всем, что у них есть, они обязаны либеральной идеологии (прежде всего, конечно, «делай что хочешь», но и «соблюдай Закон» тоже, особенно в формулировке «не пойман — не вор»). Эти новые представители элиты (возглавившие уже властные группировки высших уровней) будут до последнего отстаивать породившую их экономическую модель. Например, наращивать государственные долги, увеличивать пособия, поднимать налоги — сначала с малого и среднего бизнеса, а потом могут дойти и до крупнейших корпораций, принадлежащих старой элите. В политической сфере они будут последовательно выступать за «власть закона»,

понимая под ней тотальный внешний контроль за действиями и мыслями каждого человека при одновременном разрушении всех его внутренних ограничений. Старой элите, привыкшей иметь дело с людьми, имеющими хоть какие-то ценности, будет непросто справиться с этой молодой порослью.

М.Ч. Одним словом, «конец истории» обещает быть бурным.

М.Х. Да, результатом «конца истории» оказалась ситуация, когда проблем у правящей мировой группировки стало еще больше, чем раньше. Изнутри ее раздирают фундаментальные противоречия между консервативными олигархическими ценностями («есть мы и есть все остальные») и выпущенным из бутылки джинном либерализма («Закон один для всех»). Снаружи ей бросают вызов намного более сплоченные элиты третьего мира — такие, как китайская и исламская. И в довершение всех бед мировой экономической кризис вовсе не закончился в 2010 году, пирамида долгов (теперь уже государственных) продолжает расти и грозит обрушиться в любую минуту.

Все это напоминает ситуацию перед Великой депрессией, когда неспособность «банкиров» к управлению мировой экономикой стала очевидна всему свету. Очень похоже, что мы на пороге очередной смены мировой элиты, но как будет протекать этот процесс — предсказать практически невозможно.

Михаил Леонидович Хазин — известный российский экономист, публицист и журналист. Работал в Правительстве и Администрации Президента России, действительный государственный советник РФ III класса в отставке. Ведущий-эксперт радиостанций «Говорит Москва», «Эхо Москвы», Русской службы новостей, канала РБК, ТВ-программы «Однако» и др. Общественный деятель, постоянный член «Изборского клуба», член Высшего Совета Международного Евразийского Движения, экспертного совета «Экономика и этика» при Патриархе Московском и всея Руси, Общественного совета Федеральной службы по тарифам (ФСТ России). Автор многочисленных публикаций в журналах «Профиль», «Эксперт», «Однако» и др. Один из разработчиков теории современного экономического кризиса.